

певае страдание как нечто положительное...» (Горький и Сибирь. 1961. С. 105). В то же время Горький положительно оценивал стихи В. проникнутые «чувством бодрости, любви к жизни, к человеку» (Там же. С. 106). Е. Ватман обращал внимание на «ясную одухотворенность» поэзии В., «светлый призыв к жизни», «душевную свежесть» (Сибирская неделя. 1914. № 5–8. С. 32). Программным можно назвать следующее стих.: «Мир безбрежно велик, бесконечно чудесен, / Бесконечно и вечно красив... / Как вы можете жить без цветов и без песен, / В городах, не у рек, не у нив? / <...> Как вы можете жить так уныло и скудно / Задыхаясь от стонов и слез? / Сколько звезд! Вы считали их, бедные люди, / Сколько звезд в голубой вышине? / Как вы можете жить, не мечтая о чуде, / О далекой, не здешней стране».

Дореволюционная проза В.— повести, очерки и рассказы «**Глухаревцы**» (Сибирские вопр. 1906. № 4), «**Обитель г-жи Патрашкиной**» (Луч просвета. 1912. № 1), сб. «**Золотые листья**» (Пг., 1917) — вписывается в русло чеховской традиции. Преобладающим мотивом произведений В. является судьба маленького человека, неспособного противостоять жизненным обстоятельствам.

В Первую мировую войну В. 2 года пробыл на фронте в составе санитарных организаций Всероссийского союза городов. Трагедию войны он попытался осмыслить в цикле стихов «**Война**» (частично вошли в сб. «**Опечаленная радость**», Пг., 1917).

С лета 1917 В. служил в комиссариате Северного фронта в Пскове. Октябрьскую революцию он не принял. Возвратившись летом 1918 в Сибирь, сблизился с эсерами, печатался в их газ., за что был судим омским

ревтрибуналом в 1920 после ликвидации колчаковщины и лишен избирательных прав. Ранее В. близко сошелся с сибирским писателем А. Е. Новоселовым, также поддерживавшим идеи партии эсеров. В основанном Новоселовым изд-ве «Мой край» В. издал сб. пейзажной лирики — «**Алтай**» (Омск, 1917). В нем доминируют бодрые настроения, приятие полноты жизни.

С 1921 В. систематически выступал в советской печати. В 1923 он был восстановлен в правах. В этом же году вышел в свет сб. «**Чаша любви. Лирика**». (Ново-Николаевск, 1923). Автобиографический роман «**Открытыми глазами**» (Сибирские огни. 1936. № 4–5) рассказывает о трудных путях русской интеллигенции в годы революции.

Роковую роль в судьбе В. сыграло его сближение с эсерами. Он был незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Соч.: Алтайские сказки. Сибкрайиздат, 1926; Стихи. Новосибирск, 1959; Открытыми глазами: Избранное. Омск, 1985.

Лит.: Ватман Е. Вяткин. Страничка из современной поэзии и современных исканий // Сибирская неделя. 1914. № 5–8. С. 26–34; Гейлит К. Заметки о сибирской детской лит-ре // Сибирские огни. 1933. №5–6. С. 150–156; Хейсин И. С. Страницы прошлого. Воспоминания о литературной Сибири // Ангара. 1959. № 2; Горький и Сибирь: сб. Новосибирск, 1961; Бельский Е. И. Творчество Вяткина // Бельский Е. И. Писатели моей земли. Новосибирск, 1967; Раппопорт Е. Его знал Бунин // Ангара. 1968. № 6; Бельский Е. И. Всеми живому брат и друг... // Алтай. 1975. № 3; Топоров А. М. Воспоминания. Барнаул, 1970. С. 11–18; Трушкин В. П. Пути и судьбы. Иркутск; Очерки русской лит-ры Сибири. Т. 1, Новосибирск, 1982; Писатели земли Омской / сост. Л. А. Пукшанская. Омск, 1984.

В. Н. Запелалов

ГАЗДАНОВ Гайто (Георгий Иванович) [23.11 (6.12).1903, Петербург — 5.12.1971, Мюнхен; похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем] — прозаик, эссеист.

Г. родился в состоятельной осетинской семье, проживавшей в то время в Петербурге. Мать — В. Н. Абациева воспитывалась в семье своего дяди М. Абациева, в доме которого на Кабинетной ул., 19 и родился будущий писатель. В одном из своих рассказов Г. вспо-

минал: «Я родился на севере, ранним ноябрьским утром. Много раз потом я представлял себе слабеющую тьму петербургской улицы и зимний туман и ощущение необычайной свежести, которая входила в комнату, как только открывалось окно» («**Третья жизнь**»). Окончив Петербургский лесной ин-т, отец Г. работал лесничим на Урале, Смоленщине, в Тверском крае, в Белоруссии. Он был очень красивым, веселым и образованным челове-

Г. Газданов

ком, собрал уникальную библиотеку, которую с большим интересом осваивал его сын. Неожиданная смерть отца в 1911 оставила неизгладимый след в душе мальчика. В романе **«Вечер у Клэр»** он напишет об этом событии: «Ледяное чувство смерти охватило меня, и я ощутил болезненное иступление, сразу увидев где-то в бесконечной дали мою собственную кончину — такую же судьбу, как судьба моего отца». После смерти отца семья очутилась в Полтаве, где Г. учился в кадетском корпусе, а позже в Харьковской гимназии, которую оставил после 7-го класса из-за начавшейся Гражданской войны.

Летом 1919 он вступает в Добровольческую армию и служит солдатом на бронепоезде. Этот поступок 16-летнего юноши объяснялся не столько политическими мотивами, сколько стремлением испытать нечто новое, романтическим желанием своими глазами увидеть, что такое война. Очутившись в самой гуще страшной схватки «белых» и «красных» в Крыму, Г. ощутил весь ужас насилия, произвола, смерти. Поэтому позже в его рассказах и романах всплывало то как сон, то как воспоминание, то как рок, преследующий человечество, жуткие эпизоды того времени.

Осенью 1920 вместе с остатками врангелевской армии он покидает Севастополь, навсегда прощаясь с родиной. В 1923 Г. заканчивает русскую гимназию в болгарском г. Шумене и переезжает в Париж. Обладая отличным здоровьем, выносливостью, невероятной стойкостью духа, с достоинством переносит

все тяготы эмигрантской жизни. Работает портовым грузчиком, мойщиком паровозов, рабочим на автомобильном заводе, ночным таксистом. Работа таксистом, которая обеспечивала Г. средства для существования в течение 25 лет, наложила своеобразный отпечаток и на его образ жизни, и на его творческую судьбу, давая возможность видеть ночную, призрачную, теневую сторону жизни.

В конце 1920-х Г. поступает в Сорбонну, изучает историю лит-ры, социологию, экономические учения. В это время начинает писать рассказы, они публикуются в пражских ж. «Своими путями» и «Воля России» (**«Гостиница грядущего»**, **«Повесть о трех неудачах»**, **«Товарищ Брак»** и др.). В них заметна традиция Пильняка и Бабеля. Г. принимает активное участие в работе парижского лит. объединения «Кочевье».

В 1930 в изд-ве Я. Поволоцкого в Париже выходит первый роман Г. «Вечер у Клэр», который принес ему заслуженную известность в среде русской эмиграции. Роман начинается с описания любовных свиданий героя с очаровательной и капризной женщиной, в которую он был влюблен в течение долгих лет. И в тот вечер, когда он у нее остается, ему приходится заново пережить все события своей жизни, начиная с самых первых детских воспоминаний до своего участия в Гражданской войне и прощания с родными берегами. Герой отличается некоторой странностью, которая выражается в том, что он «не обладает способностью немедленно реагировать на происходящее» и в то же время знает «какую-то тайну, которой не знают другие». Это запаздывающее и таинственное восприятие жизни овеяно печальным ощущением неотвратимости времени, уносящего с собой все радости и огорчения пережитых мгновений, безнадежные поиски устойчивых жизненных ориентиров, иллюзорные призраки надежды. В рецензии на роман М. Осоргин писал: «В искусном кружеве рассказа незаметно ставятся и не всегда решаются сложнейшие духовные проблемы и жизни, и смерти, и любви, и того неразрешимого узла событий, который мы одинаково можем называть и судьбой, и историей» (Николенко Ст.— С. 9).

Лит. критика русской эмиграции приветствовала рождение нового художника, отмечая его несомненную природную талантливость, стилистическое мастерство, тем не менее не всегда принимала свободную манеру его повествования, открытость композиционных решений, отсутствие авторского приговора своим героям (Г. Адамович, Н. Оцуп,

М. Слоним и др.). Действительность в произведениях Г. мерцает перед глазами читателя, то обнажая, то скрывая свои тайны, а рассказчик, как усталый путешественник, стремясь к какой-то неизвестной цели, пытается раскрыть бесконечную сложность вещей, «совокупность которых необъятна для нашей памяти и непостижима для нашего понимания». В прозе Г. критики находили традиции М. Пруста и И. Бунина, сопоставляли Г. и В. Набокова, отдавая приоритет то одному, то др. писателю.

Лит. признание романа «Вечер у Клэр» открывает Г. дорогу в самый престижный журнал Русского зарубежья — «Совр. записки», где в 1930-е печатаются его рассказы и романы рядом с произведениями Бунина, Мережковского, Зайцева, Ходасевича, Алданова и Набокова. По сведениям американского слависта Ласло Диенеша, весной 1932 Г. вступает в масонскую ложу «Северная звезда» по приглашению М. Осоргина и состоит ее членом до самой смерти.

В середине 1930-х Г. предпринимает попытку вернуться на родину, узнав о болезни матери, оставшейся в России. 20 июня 1935 он обращается к М. Горькому: «Сейчас я пишу это письмо с просьбой о содействии. Я хочу вернуться в СССР, и если бы Вы нашли возможность оказать мне в этом Вашу поддержку, я был бы Вам глубоко признателен». Горький выразил сочувствие и желание помочь, которым не суждено было осуществиться из-за его болезни и смерти. В 1936 Г. соединяет свою судьбу с Фаиной Дмитриевной Гавришевой, урожденной Ламзаски.

В 1935 появляется в печати роман «История одного путешествия» — наименее печальный из всех его произведений. В основе романа лежит история жизни двух братьев, один из которых (Николай) удачно адаптируется на чужбине, входит в иноязычный мир культуры, сохраняя и непосредственность восприятия жизни, и свои русские воспоминания. Другой — лишь путешествует по жизни, собирая свои впечатления для будущего творчества. Г. утверждал независимость личной судьбы человека от общественно-исторических и социальных событий. Жизнь эмигранта не спасает, не мешает личности исполнить свое предназначение на земле, реализовать свою внутреннюю духовную задачу.

Незадолго до начала Второй мировой войны Г. создает роман «Ночные дороги», который был опубликован полностью лишь в 1952. В нем воплотились впечатления автора от работы ночным таксистом; повествова-

ние густо населено персонажами, которые то исчезают, то вновь предстают перед глазами рассказчика. Здесь и представители русской эмиграции, опустившиеся на дно парижской жизни, и сами французы, обитающие на тротуарах, в маленьких кафе и на набережных Сены. Встречи и расставания с этими людьми дают автору-рассказчику повод задуматься о судьбах этих несчастных, об их трагической роли на подмостках истории, о тщетности всего сущего на земле. Будучи лишь наблюдателем, он редко вмешивается в течение событий, хотя по возможности проявляет и милосердие, и сострадание. Некоторые критики называли «Ночные дороги» жестокой книгой, считая, что Г. обнаружил пренебрежение к людям, показав их во всем убожестве и разложении. Однако позиция писателя была более сложной. Она обусловлена некоторой философской отстраненностью и пониманием того, что человеческая жизнь заключена в магический круг предопределения, из которого его может вырвать только смерть. Единственным спасением из этой безысходности является творчество, минуты которого отодвигают уход и погружают в спасительную иллюзию бессмертия. В философских идеях Г. обнаруживали отголоски идей Платона, Н. Бердяева, Э. Кассирера.

Во время Второй мировой войны, оставшись в оккупированном Париже, Г. вместе с женой вступает в ряды Сопротивления, помогая, чем возможно, действиям французских и советских партизан. Г. редактирует информационный бюллетень новостей подполья, участвует в спасении мн. людей (в т. ч. и своего друга М. Слонима) от концентрационных лагерей. Общение с русскими людьми, бежавшими из плена и воюющими на французской территории против фашизма, побудило Г. написать документальную книгу, единственную в его творческой практике, — «На французской земле» (1946). Л. Диенеш подчеркивал, что Г. размышлял о советском варианте русского национального характера. Несмотря на рудименты тоталитаризма, которые отмечает писатель в языке и мышлении советских людей, его подкупает удивительная молодость нации, проявляющаяся в стойкости, умении переносить физические страдания.

В начале 1950-х опубликованы романы Г. «Призрак Александра Вольфа» и «Возвращение Будды», в которых автору удалось совместить авантюрно-детективный сюжет с философской исповедальностью и лиризмом. В романах усиливается мысль о роке, преследующем человека, о неизбежности

судьбы, о тайном и подсознательном движении человека к смерти. Эти романы принесли автору мировую известность. На рубеже 1950–60-х появились в печати блестящие рассказы Г.: «Судьба Саломеи», «Панихида», «Нищий», «Письма Иванова» и др.

С янв. 1953 до конца жизни Г. работает сотрудником американской радиостанции «Свобода», освоив несколько должностей: «автора-редактора», главного редактора новостей, корреспондента Парижского бюро. С 1967 служит в Мюнхене старшим, а затем главным редактором русской службы. Эта работа позволила писателю забыть о материальных трудностях, преследовавших его всю молодость. Сначала он пишет, как утверждает Л. Диенеш, на политические и социальные темы, а затем обращается к лит.-критическим статьям. Они посвящены русской классике — Гоголю, Чехову, Достоевскому и др., а также писателям-современникам — Алданову, Набокову, Осоргину, Зайцеву, Сартру, Валери, Мориак и др. Отвергая сложившиеся схемы лит. восприятия и устоявшуюся иерархию, Г. иронично, резко и парадоксально оценивал как классическое наследие, так и совр. произведения. Его оценки шокировали и публику, и лит. мэтров. Так, к примеру, он считал «Капитанскую дочку» и «Повести Белкина» Пушкина ученическими произведениями в сравнении с «Мертвыми душами» Гоголя, не находил эстетических достоинств по разным причинам и в «Жизни Арсеньева» Бунина, и в «Других берегах» Набокова и т. п. (Ф. Хаданова).

За последние 20 лет жизни Г. выпустил в свет 3 романа — «Пилигримы», «Пробуждение», «Эвелина и ее друзья». Стиль его произведений становится более лапидарным, емким, философски насыщенным. В содержании появляется морализаторский оттенок, более явственно ощущается мотив помощи и спасения, дружеской поруки людей. Если в «Ночных дорогах» где-то на периферии текста исследователи обнаружили евангельскую цитату: «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою Вы», то в позднем творчестве она могла бы стать эпиграфом к роману «Пробуждение», герой которого (француз Пьер) пытается вернуть сознание у больной женщины, потерявшей человеческий облик. Идеи милосердия и сострадания, существовавшие в подтексте ранних произведений, обрели в позднем творчестве реальное воплощение. Газдановский роман — это замедленная проза, развивающаяся как бы во сне, не касаясь подроб-

ностей жизни и даже самой земли. По мнению М. Шульмана, ему свойственны сюжетно-криминальная линия, отсутствие доминанты в философском освещении событий (парадоксальные мысли проговариваются на периферии сюжета), сильное подтекстовое движение и т. д.

Проза Г., наполненная «смутной, пепельной печалью» (М. Новиков), обладает завораживающим воздействием на читателя, погружаемого в сложный мир авторского восприятия действительности. Не случайно его реализм называли «магическим» (Вяч. Иванов), а сам автор устами своего героя определял его как «сомнамбулический». Прожив большую часть жизни на чужбине, он, как и его герои, чувствовал, что ему «трудно было дышать... в этом европейском воздухе, где не было ни ледяной чистоты зимы, ни бесконечных запахов и звуков северной весны, ни огромных пространств моей родины».

Соч.: СС: в 3 т. / сост., подгот. текста Л. Диенеша. М., 1996; Избранное: романы / сост., послесл. Р. Х. Тотрова. Владикавказ, 1990; Вечер у Клэр: Романы, рассказы / сост., вступ. статья, комм. Ст. Никоненко. М., 1990; Панихида: Рассказы, стихи, статьи / предисл. Ст. Никоненко; сост. Г. Иванова. М., 1991; Лит.-критические статьи // Вопр. лит.-ры. 1993. № 3; Полет: роман // Дружба народов. 1993. № 8; Великий музыкант: повесть // Дружба народов. 1994. № 6; Пилигримы: роман // Новый ж. № 37–39; Масонские доклады / публ. Серкова А. И. // Новое лит. обозрение. М. 1999. № 39.

Лит.: Хаданова А. А. К вопросу о судьбе лит. наследия Гайто Газданова // Лит. Осетия. 1988. № 71; Фрумкина А. Предназначение и тайна // Новый мир. 1992. № 1; Красавченко Т. Е. Гайто Газданов: Философия жизни // Российский литературоведческий ж. 1993. № 2; Никоненко Ст. Гайто Газданов — человек, писатель, критик // Лит. обозрение. 1994. № 9–10. С. 71–103; Диенеш Л. Другие жизни (1928–71) // Там же; Хаданова Ф. Держался он вызывающе...: Г. Газданов — литературный критик // Там же; Васильева М. История одного совпадения // Там же; Новиков М. И я видел мир таким. Проза как инструмент гадания. Произведения Г. Газданова, изданные в России в 1988–94 гг. // Там же; Шульман М. Газданов: Тяжелый полет // Дружба народов. 1998. № 9; Кабалоти С. М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов // Вестник ин-та цивилизации. Владикавказ. 1999. Вып. 2; Федякин С. Р. Газданов // Лит.-ра русского зарубежья. 1920–40. М., 1999. Вып. 2; Семенова С. Экзистенциальное сознание в прозе Русского зарубежья: Гайто Газданов и Б. Плавский // Вопр. лит.-ры. 2000. № 3; Dienes L. Russian literature exile: The life and work of Gaito Gazdanov. München, 1982; Гайто Газданов в России. Библиография. 1988–2003. Владикавказ, 2003.

Т. М. Вахитова